

**Овсянникова Наталья Валериевна**

кандидат исторических наук, доцент,  
доцент кафедры  
«Социально-культурная деятельность»  
Поволжского государственного университета сервиса

## **ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В СТАРОСТИ**

### **Аннотация:**

*В статье исследуется феномен старости как целостная система бытия человека. Дается историко-культурная характеристика, раскрываются духовно-нравственные аспекты развития личности в пожилом возрасте. Анализируется зависимость смысла жизни в пожилом возрасте от радикальных изменений российского общества. Выдвигается и доказывается тезис о позитивной форме старости – мудрости, которая дает возможность обретения человеком духовной зрелости. Сделан вывод о том, что главная проблема, стоящая перед старшим поколением, – поиск смысла прожитых лет – может быть решена путем корректировки смысла жизни в российском обществе. Носителем новых социальных форм станет пожилой человек, включенный в систему социальных отношений как независимая, сформировавшаяся личность.*

### **Ключевые слова:**

*феномен старости, образы старости, удовлетворенность жизнью, Ф. Бэкон, типы мудрости, И. Кант, опыт, статусно-ролевые изменения, смысл жизни, продуктивное старение.*

**Ovsyannikova Natalia Valerievna**

PhD in History,  
Assistant Professor,  
Social and Cultural Activities Department,  
Volga Region State University of Service

## **THE PROBLEM OF REASON FOR BEING IN OLD AGE**

### **Summary:**

*This article examines the phenomenon of old age as a holistic system of human being. The author describes history, culture, spiritual and moral aspects of personal development in old age. The dependence of the reason to live in old age on the radical changes in the Russian society is analysed. The author advances and argues the thesis about the positive form of old age – wisdom, which provides a human with the opportunity to reach spiritual maturity. It is concluded that the main challenge faced by the older generation – the search for the reason of being – can be solved by adjusting the meaning of life in the Russian society. An elderly person will become a carrier of new social forms by inclusion into the system of social relationships as an independent, mature personality.*

### **Keywords:**

*phenomenon of old age, images of old age, life satisfaction, F. Bacon, types of wisdom, I. Kant, experience, status and role changes, reason to live, productive aging.*

Старость имеет символический смысл, глубоко укорененный в системе общечеловеческих ценностей. Этот феномен отчетливо прослеживается в различных национальных культурах. В процессе осмысления старости ей придается значимость завершающего этапа жизненного пути, что выводит человека за пределы непосредственного прагматического существования. В обществе в связи с этим формируется почтенное отношение к людям преклонного возраста, что побуждает к бережному отношению к ним.

Современная социальная, политическая, экономическая и демографическая ситуация в мире и России придает исследованиям старости особую направленность: возникает потребность вскрыть социокультурные типы и образы старости, выявить их динамику в общем контексте истории человечества. В проблеме старости в настоящее время сконцентрированы противоречия между биологическим и социальным, психологическим и духовным, индивидуальным и родовым, мирским и религиозным и т. п. содержанием жизни человека, разрешение которых задает меру личностного развития человека.

Старость как социокультурный феномен на различных цивилизационных этапах трансформируется и фиксируется в конкретные ее образы. Но только в культуре старость обретает особое смысловое измерение, включающее в себя конкретные социальные роли пожилых людей в социуме, особое их состояние в контексте родового бытия человека (племени, этноса, нации). В национальных культурах образы старости обретают свою парадигмальность и становятся смысложизненными регулятивами, ориентирами для государств и населяющих их народов. Поэтому феномен старости обретает вполне осязаемое бытие, оставляя след в истории человечества не только в абстрактном, но и живом воплощении.

Старость не сводится к антропологическим, социальным, духовным формам жизни человека, а предстает как целостная система его бытия, вбирающая в себя все эти характеристики. Она является неким символическим ценностно-значимым феноменом, наполненным глубоким смыслом, который заключается в результате, оправдании всего жизненного процесса.

С точки зрения человеческой старости по-иному раскрывается смысл других возрастов жизни. Старость не только итог, но и показатель развития человека и социума, который в свою

очередь тоже имеет возраст. Уникальность состояния старости заключается в ее культурном ображаемом пограничье между миром здешним и инобытийным, трансцендентным, потому она сама несет на себе отпечаток этой трансцендентности. Понимание человека как вселенского и сверхэмпирического существа можно обнаружить уже в философских системах прошлого, рассматривающих феномен старости не только с учетом его физиологической, но и телесно-духовной целостности. Духовное бессмертие позволяло позитивно прогнозировать дальнейшее положение человека в мире после смерти. По сути, жизнь и есть для человека проблема, которую он должен постоянно решать – «решать, чем мы будем» [1, с. 173]. Значит, надо постоянно что-то предпринимать, что-то делать, действовать. При этом каждый «приговорен только к собственной жизни, никто и никогда не заменит нас в этом труднейшем деле» [2, с. 507].

В данном контексте встает весьма важный вопрос о содержании и наполнении жизни. Полнота жизни, безусловно, является характеристикой самой жизни во всей ее многогранности. Она проявляется в удовлетворенности жизнью, которая зависит от того, что делает человек здесь и сейчас, или от содеянного им. За всем этим проступают стремление и желание идти вперед, достигать новых вершин или же горечь, раскаяние. Но как бы то ни было, через свободу и выбор, опирающиеся на «должен», «могу», «способен», субъект проектирует и конструирует в данный момент свою жизнь, накапливает жизненный потенциал. Нельзя не согласиться с Ф. Бэконом, что возраст человека определяется не столько его годами, сколько характером и качеством жизненного опыта.

Проведя сравнительный анализ устойчивых качеств юности и старости, Бэкон пришел к выводу, что «в деле лучше всего сочетать достоинства обоих возрастов; это будет хорошо как для настоящего, ибо достоинства каждого возраста могут исправить недостатки другого, так и для будущего, ибо молодые могут учиться, пока еще работают пожилые люди» [3, с. 352].

Можно усомниться в том, что какой-либо возраст вообще может быть ценнее другого, так как каждый возраст в свете целостности жизни ценен по-своему. Именно поэтому отношение к определенному возрасту у людей, равно как и у разных эпох, не может быть однозначным и одинаковым. Особенно это касается старости, где сходятся противоречия всей жизни, всех ее возрастов. В связи с этим пожилой возраст допускает по отношению к себе самые различные оценки и интерпретации: от высочайшего благоговения перед ним (старость как мудрость, духовность) до полнейшего к нему презрения (старческий маразм, впадение в детство, беспомощность и т. д.).

Искусство жизни состоит в том, «что во всяком возрасте надо наслаждаться его радостями и жить тем, что не устаревает» [4, с. 285], т. е. возраст надо определять по состоянию души.

Проблема старости решается каждым человеком сугубо индивидуально. Прожитые годы, даже если они и протекли незаметно для субъекта, в той или иной мере «откладываются» в нем в виде жизненного опыта, способного при определенных условиях переходить в житейскую мудрость. Традиционно возраст старости сравнивают с различными интерпретациями мудрости, в связи с чем исследователями выделяются типы мудрости. Приведем одну из таких классификаций:

- эстетический тип мудрости древних греков в его платоновском выражении; платоновские старцы являются воплощением космической мудрости как всеобщей согласованности, гармонии и красоты мироздания;
- этический тип мудрости римлян, представленный старцем-наставником;
- религиозный тип мудрости, сосредоточенный в образе духовного водителя – святого старца;
- религиозно-эстетический тип мудрости, рожденный эпохой Возрождения и представленный в образе творца [5, с. 228].

Разумеется, эти типы не исчерпывают всего многообразия толкования мудрости. Например, с точки зрения содержания мудрость определяется как «искусство жизни», «высшее знание», «знающее незнание», «единство истины и блага», «доброта ума и разумность сердца» и т. д.

Более радикально рассуждает о мудрости И. Кант. Философ отмечает, что человек может достигнуть полного применения своего разума как мудрости примерно к шестидесяти годам. При этом его мудрость носит скорее негативный характер, так как позволяет оценить все глупости, совершенные в течение жизни, и сказать: «Жаль, что приходится умирать тогда, когда мы только поняли, как следовало бы жить по-настоящему хорошо; но даже в этом возрасте такое суждение редко услышишь, ибо привязанность к жизни становится тем сильнее, чем меньшую ценность жизнь имеет в деятельности и наслаждении». По мнению Канта, мудрость даже обычной жизни – явление редкое и не передается следующим поколениям, а истинная мудрость присуща только Богу. Человеческая же мудрость заключается в том, чтобы сообразовывать свои поступки с высшей мудростью и таким образом обезопасить себя от глупости. В силу морального непостоянства человека мудрость его есть «скорее сокровище, за которым самый лучший человек может только охотиться», причем «он никогда не решится самонадеянно убедить себя в том, что он уже овладел им, а тем более вести себя так, как будто это случилось» [6, с. 288].

И все же И. Кант давал надежду, что с возрастом человек приближается к мудрости. Развивая его идею, следует констатировать, что накопление опыта происходит зачастую помимо воли и желания человека. Этот процесс идет естественным путем, но от человека зависит, насколько он сам захочет и сумеет сделать опыт предметом своей рефлексии, осмыслить и оценить его. Если он сможет сознательно использовать накопленный опыт для собственного блага и пользы всех, передавая его другим, то такой человек имеет шансы стать мудрым наставником. Причем его ценность в обществе может быть признана многими. Иной вариант делает накопленный опыт бесполезным и превращает в тягостный груз, лишь напоминающий о прошлом. Так определяется мера его возраста.

Благодаря активности, задающей жизненный ритм, человек обретает духовное здоровье, выражающее наличие внутренней дистанции между пережитым конкретным человеком и его поколением, ходом исторических событий и постигнутым смыслом данного мгновения. Старость дает возможность обретения человеком нового духовного состояния – духовной зрелости. В связи с этим она обретает высшую ценность, в отличие от других возрастов жизни, проходя через которые человек устремляется именно к ней, быть может даже и не осознавая ясно и явно самого этого движения, не отдавая себе в этом отчета.

Почтенное, уважительное отношение к старости – это не чей-то запрос или внешняя установка, а объективный показатель непрерывности, связности исторической судьбы народа на любом этапе его жизни. Нет поколений святых и праведников или злодеев и преступников – они всегда отдельные люди. Поэтому образ старости несет важнейшую социокультурную нагрузку единства поколений, всепримиряющую ее составляющую, момент «прощения грехов и следования мудрым заветам».

В пожилом возрасте неминуемо происходят статусно-ролевые изменения: переход к жизни пенсионера или вдовца (вдовы), приспособление к ухудшению здоровья, утрата власти, ответственности и автономии и т. п. Вместе с тем выход на пенсию может означать появление свободного времени, которое человек вправе посвящать своим увлечениям. Более того, человек редко освобождается от всех ролей в одинаковой степени. Психологическая свобода и освобождение от социальных ролей могут не совпадать. Объем независимости индивидуален, так же как и субъективные характеристики возраста. Зачастую «вкладываемый в события или изменения статуса смысл является более важным, чем сами эти события, – кто-то видит в этом сигнал конца своей полезности, а кто-то рассматривает изменение своего статуса с точки зрения новых возможностей» [7, с. 726].

Действительно, более свободный образ жизни с небольшим количеством обязанностей может считаться одним из преимуществ старости. Однако «старый человек часто застревает в промежуточном состоянии, которое может ощущаться как поворотный момент в жизненном пространстве личности, содержать в себе ценнейшую возможность личностного роста через реализацию некоего обучающего потенциала» [8, с. 62–63].

В жизни пожилых людей сегодня существуют две наиболее значимые переменные, обуславливающие социально-психологическое состояние удовлетворенности: состояние здоровья и уровень дохода. Как правило, у пожилых они существенно снижаются по сравнению с людьми других возрастов. Эти переменные являются важнейшими составляющими качества жизни и показывают имплицитные (скрытые) возможности статуса. Удовлетворенность жизнью в старости во многом зависит от оценки прошлого, настоящего и будущего состояний, связана с социальным окружением и опытом повседневной деятельности, включая межличностные и семейные взаимодействия. Не менее важна для пожилых и степень самоуважения, которая напрямую связана с социально-психологическими составляющими опыта. Мнения и представления пожилого человека об уровне своего успеха в межличностном взаимодействии обуславливают уровень самоуважения. «Статус достижения» имеет смысл успеха или неуспеха. В целом степень удовлетворенности своей жизнью влияет на физиологическое и психологическое состояние пожилого человека.

Главная социокультурная проблема, беспокоящая пожилых людей, – поиск смысла прожитых лет. Поиск смысла жизни актуален для всех возрастов – это стремление обрести надличностную ценность высшего порядка. Без ее понятия, стремления к ней жизнь человека потеряла бы всякий смысл. Отсюда объективно вытекает стремление человека к максимальным действиям. Инстинкт жизни диктует человеку необходимость действовать в полную силу своих возможностей, реализовать их. Надличностная ценность есть не что иное, как духовность. Важнейшим условием и формой активности самосознания является познание человеком своей духовной сущности, создаваемой с помощью коммуникации. Нравственная составляющая духовности, проявляемая в социальном поведении, свидетельствует о состоянии духовного мира человека или его дисфункции. Исходя из этого выделяется продуктивное проявление старости – творческая активность, когда человек преклонного возраста продолжает интересоваться общественной жизнью, воспитанием молодых, жить полноценной жизнью.

Условно можно выделить следующие задачи старшего возраста:

- самоопределение;
- трансценденция тела и эго или поглощенность ими [9, с. 219].

Задача самоопределения возникает, как правило, в двух случаях: из-за перехода на пассивную работу или ухода детей из дома. Стремление уйти за пределы психофизиологических проблем приводит к избеганию концентрации внимания на физических недугах старости, мыслях о смерти. Люди преклонного возраста пытаются переключиться на познание и культуру, продолжение профессиональной жизни, опеку внуков, накопительство, отдых и радость от жизни в настоящем, религию или лечение своих болезней.

Смысл жизни человека пожилого возраста в целом есть ретроспективная оценка своей жизни – с чувством несоответствия жизни идеалу, невозможности апробировать другие стили жизни или с ощущением удачного воплощения планов и реализации целей, приятия прошлого.

Однако радикальные изменения российского общества существенно обострили проблему поиска смысла прожитых лет у современных пенсионеров, молодость и зрелость которых проходили в СССР. Ситуацию усугубили и качественные изменения установок и стереотипов, связанных с пожилым возрастом. В первую очередь это связано с социально-экономическими и политическими преобразованиями, повлекшими за собой: сдвиги в структуре потребностей и рынка труда; уменьшение числа людей, занятых в сфере непосредственного материального производства; смену этики «продуктивности» императивом «качества жизни»; расширение сферы профессиональной деятельности для пожилых; исчезновение стереотипа пожизненной профессиональной карьеры; чередование периодов профессионального труда, активного досуга, образования и смены видов социально полезной деятельности в процессе жизни [10, с. 229].

Проблема содержания жизни, ее событийного наполнения у современных российских стариков преломляется через призму адаптации к рыночным отношениям при наличии довольно обширного советского жизненного опыта. Причем эта адаптация идет на фоне осуществившегося развития личности. Советский опыт у них является преимущественно позитивным, но ведет себя инертно, лишая пенсионеров части возможностей для жизненного маневра. В этой ситуации для сохранения состояния психоэмоциональной и духовно-нравственной устойчивости при быстро меняющихся внешних условиях необходимо сменить ценностную картину мира – «предать самого себя», на что большинство пожилых людей никогда не пойдут. Игнорирование этого факта может на уровне социума повлечь за собой разрыв межпоколенных связей, а на уровне отдельных личностей либо привести к психопатологии, либо обернуться духовно-нравственным дискомфортом и постоянным ощущением, описанным Н. Гумилевым следующим образом: «...Мы живем, не чуя под собой страны».

Однако любое общество, независимо от формы его организации, чтобы конкурировать в современном мире, должно вовлекать в активную деятельность весь свой человеческий потенциал, в том числе и людей пожилого возраста. Специалистами замечено, что активная, особенно интеллектуальная, деятельность способствует долгому сохранению личности. При этом коммуникация и духовность выступают качественными характеристиками сознания и одновременно являются продуктом жизнедеятельности человека.

Таким образом, проблема смысла жизни в старости стоит особо остро в современной России, что свидетельствует о характере самих реформ. Отношение к феномену старости всегда являлось одним из важнейших показателей социокультурного развития общества. Формируя пути выхода на новые формы культуры, видимо, не избежать корректировки смысла жизни в российском обществе, который даст субъекту возможность пережить собственную глубину, выявить единство людей, которое трансформируется в некий духовный синтез. В этом процессе духовность личности и социума, взаимодействуя, образуют духовно-нравственную жизнь общества. В ее основе лежит комплекс исконно российских ценностей, таких как духовное самосовершенствование, разумная созидательная деятельность, милосердие, терпимость. Духовность в России неминуемо будет развиваться как главный социальный продукт. Это в свою очередь предполагает подъем на новый уровень межпоколенного диалога культур и мировоззрений, способствующего нравственной ответственности по отношению к другому, любви к ближнему и др. Носителем этих социальных форм может быть только сформировавшаяся личность. По нашему мнению, это будет пожилой человек, включенный в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения. Нельзя не согласиться с тем, что и в третьем возрасте у человека должны быть цель и смысл жизни, иначе жизнь превращается в абсурд, в собственное отрицание: «Жизнь еще не закончена, а жить уже нечем и незачем».

#### **Ссылки:**

1. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. 411 с.

2. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. Эссе по литературе и искусству : сборник : пер. с исп. М., 1991. 639 с.
3. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М., 1978. 566 с.
4. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М., 2012. 320 с.
5. Рыбакова Н.А. Проблема старости в европейской философии: с античности до современности. СПб., 2006. 288 с.
6. Кант И. Трактаты и письма / пер. с нем. Н. Вальденберг [и др.]. М., 1980. 700 с.
7. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. 9-е изд. СПб., 2005. 940 с.
8. Интегрированная старость: практики социального участия : коллектив. моногр. / М.Э. Елютина [и др.] ; ред. М.Э. Елютина. Саратов, 2007. 254 с.
9. Емалетдинов Б.М. Возрастная динамика смысла жизни человека // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 215–219.
10. Овсянников В.П. Россия и Запад в контексте глобальных перемен // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 2 (30). С. 224–231.

### References:

- Bacon, F 1978, *Works: in 2 vols*, vol. 2, Moscow, 566 p., (in Russian).
- Craig, G & Vocoum, D 2005, *Developmental Psychology*, 9th ed., St. Petersburg, 940 p., (in Russian).
- Elyutina, ME et al. 2007, *Integrated aging: social participation practices: collective monograph*, Saratov, 254 p., (in Russian).
- Emaletdinov, BM 2007, 'Age dynamics of the meaning of human life', *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 12, no. 3, p. 215-219, (in Russian).
- Ilyin, IA 2012, *Singing Heart. Book of quiet contemplation*, Moscow, 320 p., (in Russian).
- Kant, I 1980, *Treatises and letters*, Moscow, 700 p., (in Russian).
- Ortega y Gasset, J 1991b, *What is philosophy?*, Moscow, 411 p., (in Russian).
- Ortega y Gasset, J 1991a, *Dehumanization of Art and other work. Essays on Literature and Art*, Moscow, 639 p., (in Russian).
- Ovsyannikov, VP 2014, 'Russia and the West in the context of global change', *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, no. 2 (30), pp. 224-231, (in Russian).
- Rybakova, NA 2006, *The problem of old age in the European philosophy from antiquity to modern times*, St. Petersburg, 288 p., (in Russian).